

Případ Dr. Mejzlíka

Karel Čapek

Случай с доктором Мейзликом

Карел Чапек

Lingtrain Books

Případ Dr. Mejzlíka

Случай с доктором Мейзликом

"Poslyšte, pane Dastychu," řekl zamyšleně policejní úředník dr. Mejzlík starému kouzelníkovi, "já k vám jdu vlastně na poradu. Já mám tuhle jeden případ, se kterým si nevím rady."

— Послушайте, господин Дастих, — озабоченно сказал полицейский чиновник доктор Мейзлик старому магу и волшебнику, — я к вам, собственно, за советом. Я вот ломаю голову над одним случаем.

"Tak ven s tím," děl pan Dastych.
"Kohopak se ten případ týká?"

— Ну, выкладывайте! — сказал Дастих.
— С кем там и что стряслось?

"Mne," vzdychl dr. Mejzlík. "Čím víc na to myslím, tím míň do toho vidím. Poslouvejte, člověk by se z toho zbláznil."

— Со мной, — вздохнул доктор Мейзлик. — И чем больше я об этом случае думаю, тем меньше понимаю, как он произошел. Просто можно с ума сойти.

"Tak co vám kdo udělal?" ptal se chláholivě pan Dastych.

— Так кто же все это натворил? — спросил Дастих успокаивающе.

"Nikdo," vyhrkl dr. Mejzlík. "To je to nejhorší. Já sám jsem něco udělal, čemu nerozumím."

— Никто! — крикнул Мейзлик. — И это самое скверное. Я сам совершил что-то такое, чего понять не в состоянии.

"Snad to nebude tak zlé," těšil ho starý Dastych. "Tak co jste to provedl, mládenče?"

— Надеюсь, все это не так страшно, — успокаивал доктора Мейзлика старый Дастих.
— А что же вы все-таки натворили, дружище?

"Chytil jsem kasaře," odpověděl dr. Mejzlík pochmurně.

— Поймал медвежатника, — мрачно ответил Мейзлик.

"A to je všechno?"

— И это все?

"To je všechno."

— Все.

"A ten kasař asi nebyl ten pravý," pomáhal pan Dastych.

— А медвежатник оказался ни при чем, — подсказал Дастих.

"Ale byl, vždyť se přiznal. Udělal kasu v Židovském dobročinném spolku, víte? Byl to nějaký Rozanowski čili Rosenbaum ze Lvova," bručel dr. Mejzlík. "Našli u něho hasáky a všechno."

Да нет, он же сам признался, что ограбил кассу в Еврейском благотворительном обществе. Это какой-то Розановский или Розенбаум из Львова, — ворчал Мейзлик. — У него нашли и воровской инструмент, и все прочее.

"No, a co byste rád věděl?" pobádal ho starý Dastych.

Так чего же вы еще хотите? — торопил его старый Дастих.

"Já bych rád věděl," řekl policejní úředník zahloubaně, "jak jsem ho chytil. Počkejte, já vám to povím po pořádku. Před měsícem, to bylo třetího března, jsem měl až do půlnoci službu. Já nevím, jestli se pamatujete, že tehdy už třetí den pršelo. Tak jsem si zaskočil na chvíli do kavárny a pak chci jít domů, na Vinohrady. Ale místo toho jsem šel opačným směrem k Dlážděné ulici. Prosím vás, nevíte, proč jsem šel zrovna v tu stranu?"

Я бы хотел понять, — сказал полицейский чиновник задумчиво, — каким образом я его поймал. Подождите, сейчас я вам все расскажу по порядку. Месяц тому назад, третьего марта, я дежурил до полуночи. Не знаю, помните ли вы, что в первых числах марта три дня подряд лил дождь. Я заскочил на минутку в кафе и собрался было уже идти домой, на Винограды. Но вместо этого почему-то пошел в противоположную сторону, по направлению к Длажденной улице. Скажите, пожалуйста, почему я пошел именно в ту сторону?

"Snad jen tak, náhodou," mínil pan Dastych.

— Возможно, просто так, случайно, — предположил Дастих.

"Poslouchejte, v takovém počasí necourá člověk jen tak náhodou po ulicích. Já bych rád věděl, co jsem tam u všech sakramentů chtěl. Co myslíte, nemohlo to být nějaké tušení? Víte, něco jako telepatie."

— Послушайте, в такую погоду человек не болтается по улицам просто так, от нечего делать. Я бы хотел знать, какого черта меня понесло туда? Не думаете ли вы, что это было предчувствие? Знаете, нечто вроде телепатии.

"Aha," pravil pan Dastych. "To je docela možné."

— Да, — утвердительно кивнул головой Дастих. — Вполне возможно!

"Tak vidíte," mluvil dr. Mejlík ustaraně. "Tady to máme. Ale taky to mohla být taková podvědomá představa, abych se podíval, co je u Tří panen."

— Вот видите, — заметил Мейзлик как-то озабоченно. — То-то и оно! Но это также могло быть и просто подсознательное желание взглянуть, что делается «У трех девиц».

"To je ten zapadák v Dlážděné ulici," vzpomněl si pan Dastych.

— А-а, вы имеете в виду ночлежку на Длажденной улице, — вспомнил Дастих.

"Právě. Tam přespávají tihle kasaři a kapsáři z Pešti nebo z Haliče, když přijdou do Prahy na práci. My na ten lokál dáváme pozor. Co myslíte, nebyl to docela obyčejný policejní zvyk, že jsem si tam šel mrknout?"

— Вот именно. Там обычно ночуют карманники и медвежатники из Будапешта или из Галиции, когда приезжают в Прагу по своим «делам». Мы за этим кабаком следим. Как по-вашему, может быть, я просто по привычке решил заглянуть туда?

"To může být," soudil pan Dastych. "Takové věci dělá někdy člověk docela mechanicky, hlavně když jaksi má smysl pro povinnost. Na tom není nic zvláštního."

— Вполне может быть, — рассудил Дастих, — такие вещи иногда делаются совершенно механически, в особенности если они входят в круг служебных обязанностей. Тут нет ничего удивительного.

"Tak já jdu do Dlážděné ulice," pokračoval dr. Mejzlík, "podívám se mimochodem na seznam noclehářů u Tří panen a jdu dál. Na konci Dlážděné ulice se zastavím a mířím zase zpátky; pěkně prosím, nevíte, proč jsem šel zpátky?" "Zvyk," mínil pan Dastych.

— Так вот, пошел я по Длажденной улице, — продолжает Мейзлик, — заглянул мимоходом в список ночлежников «У трех девиц» и отправился дальше. Дойдя до конца улицы, остановился и повернул обратно. Скажите, пожалуйста, ну почему я повернул обратно?

"Zvyk patrolovat."

— Привычка, — предположил Дастих, — привычка патрулировать.

"To by mohlo být," souhlasil policejní úředník. "Ale já jsem neměl službu a chtěl jsem jít domů. Třeba to byla předtucha."

— Возможно, — согласился полицейский чиновник. — Но ведь я уже кончил дежурство и хотел идти домой. Может быть, это было предвидение?

"Bývají takové případy," uznával pan Dastych. "Ale taková předtucha není nic záhadného. To je přece známo, že v člověku jsou jakési vyšší schopnosti..."

— Такие случаи тоже известны, — признал Дастих, — но в них нет ничего загадочного. Просто это значит, что человек обладает сверхъестественным чутьем.

"Hergot," zařval dr. Mejzlík, "tak byl to zvyk, nebo nějaké vyšší schopnosti? Tohle bych rád věděl! — Tak počkejte: Když si to tak šlapu, jde proti mně nějaký člověk."

Řekněte, pročpak by u všech všudy nemohl kdokoli jít v jednu hodinu v noci Dlážděnou ulicí? Na tom není nic podezřelého. Já sám jsem na nic ani nepomyslel; ale zastavil jsem se zrovna pod lucernou a zapaloval jsem si egyptku. Víte, to my děláme, když se chceme v noci na někoho pořádně podívat. Co myslíte: byla to náhoda, nebo zvyk, nebo... nebo nějaký podvědomý alarm?"

— Черт возьми, — закричал Мейзлик, — так это была привычка или сверхъестественное чутье? Вот это-то мне и хотелось бы знать. Да, погодите. Когда я повернул обратно, то повстречал какого-то человека. Вы спросите — ну и что же, разве кому-либо возбраняется ходить в час ночи по Длажденной улице? В этом нет ничего подозрительного. Я и сам ничего в том не заподозрил; однако остановился под самым фонарем и стал закуривать сигарету. Знаете, мы всегда так поступаем, когда впоотьмах хотим кого-нибудь внимательно разглядеть. Как вы думаете, это была случайность, привычка, или...некая неосознанная тревога?

"To nevím," řekl pan Dastych.

— Не знаю, — сказал Дастих.

"Já taky ne," křikl zlostně dr. Mejzlík. "Hrom do toho! Tedy si zapaluju cigaretu pod tou lucernou a ten člověk jde podle mě. Pane, já jsem se mu ani nepodíval na nos a jenom tak čumím k zemi. Když ten chlap přešel, začalo se mně něco nelíbit. Čerchmante, řekl jsem si, tady není něco v pořádku — ale co vlastně? Vždyť jsem si toho vašnosity ani nevšiml. Tak stojím v dešti pod tou lucernou a přemýšlím; a najednou mě napadlo: boty! Ten člověk měl něco divného na botách."

— Я тоже, черт побери! — злобно воскликнул Мейзлик. — Зажигаю я сигарету под самым фонарем, а человек проходит мимо меня. Господи, я даже не взглянул ему в лицо, стоял, уставившись в землю. Этот парень уже прошел, и тут что-то мне в нем не понравилось. «Проклятие! — сказал я сам себе. — Тут что-то не в порядке, но что именно? Ведь я этого типа даже не разглядел». Стою я у фонаря, под проливным дождем, и раздумываю. И вдруг меня осенило... Ботинки! У этого человека что-то странное было на ботинках.

A já vám z ničeho nic povídám nahlas: popel."

— «Опилки!» — неожиданно громко проговорил я.

"Jaký popel?" ptal se pan Dastych.

— Какие опилки? — спросил Дастих.

"No popel. V tu chvíli jsem si vzpomněl, že ten člověk měl na botách mezi svrškem a podrážkou popel."

— Обыкновенные металлические опилки. В ту минуту я понял, что у прохожего на ранте ботинок были опилки.

"A proč by neměl mít na botách popel?" mýnil pan Dastych.

— А почему бы у него на ботинках не могли быть опилки? — спросил Дастих.

"To se rozumí," zvolal dr. Mejzlík. "Ale pane, v ten okamžik jsem viděl, ano, viděl vyříznutou ohnivzdornou, ze které se sype popel na podlahu. Víte, ten popel, co je mezi ocelovými pláty. A já jsem viděl, jak ty boty šlapou do toho popela."

— Могли, разумеется, — воскликнул Мейзлик, — но именно в этот момент я просто видел, да, да, видел вскрытый сейф, из которого на пол сыплются металлические опилки. Знаете, опилки от стальных пластин. Я просто видел, как эти ботинки шлепают по этим опилкам.

"Tak to byla intuice," rozhodl pan Dastych. "Geniální, ale nahodilá intuice."

— Так это интуиция, — решил Дастих, — гениальная, но бессознательная.

"Nesmysl," řekl dr. Mejzlík.

"Člověče, kdyby nepršelo, tak bych si toho popela ani nevšiml. Ale když prší, tak lidé obvykle nemají na botách popel, rozumíte?"

— Бессмыслица! — сказал Мейзлик. — Да не будь дождя, я бы на эти опилки и внимания не обратил. Но когда идет дождь, обычно на обуви не бывает опилок, понимаете?

"Tak to byl empirický závěr," pravil s jistotou pan Dastych. "Byl to skvělý úsudek na základě zkušenosti. A co bylo dál?"

— Ну так это эмпирический вывод, — уверенно произнес Дастих. — Блестящий вывод, сделанный на основе опыта. А что дальше?

"Inu, pak jsem šel za tím chlapem: to se ví, zapadl ke Třem pannám. Potom jsem zatelefonoval pro dva tajné a udělali jsme tam štáru; našli jsme pana Rosenbauma i s tím popelem a hasáky a dvanácti tisíce z kasy Židovského dobročinného spolku. Na tom už nic není. To víte, v novinách se psalo, že tentokrát naše policie ukázala značnou pohotovost – Takový nesmysl! Prosím vás, kdybych náhodou nebyl šel do té Dlážděné ulice a náhodou se nepodíval tomu gaunerovi na boty... Totiž," děl dr. Mejzlík sklíčeně, "byla-li to jen tak náhoda."

— Я, конечно, пошел за этим парнем, и. само собой разумеется, он закатился к «Трем девицам». Потом я по телефону вызвал двух сыщиков, и мы устроили облаву: нашли и Розенбаума с опилками на ботинках, воровской инструмент, и двадцать тысяч из кассы Еврейского благотворительного общества. В этом уж не было ничего необычного. Знаете, в газетах писали, что на сей раз наша полиция проявила блестящую оперативность. Какая бессмыслица! Скажите, пожалуйста, что было бы, если бы я случайно не пошел по Длажденной улице и случайно не поглядел этому прохвосту на ботинки? То-то и оно! Так вот, была ли это только случайность? — удрученно спросил доктор Мейзлик.

To je právě to." "Na tom přece nezáleží," mýnil pan Dastych. "Mladý člověče, to byl úspěch, ke kterému si můžete gratulovat."

— А это и не важно, — произнес Дастих, — Поймите, молодой человек, ведь это успех, с которым вас можно поздравить.

"Gratulovat!" vybuchl dr. Mejzlík. "Pane, jakpak si mám gratulovat, když nevím k čemu? K svému báječnému detektivnímu bystrozraku? Nebo k mechanickým policejním zvykům? Nebo k šťastné náhodě? Nebo k nějaké intuici a telepatii? Koukněte se, to byl můj první větší případ; něčeho se člověk musí držet, že? Dejme tomu, zítra mně dají nějaký mord; pane Dastychu, co budu dělat? Mám běhat po ulicích a koukat lidem bystrozrace na boty? Nebo mám jít za nosem a čekat, že mě nějaká předtucha nebo vnitřní hlas povede rovnou k vrahovi? Tak vidíte, to je ten případ. Celá policie si teď říká: Tenhle Mejzlík, ten má nos; z toho mládence s brejlemi něco bude, to je detektivní talent. Vždyť je to zoufalá situace," bručel dr. Mejzlík. "Nějakou metodu člověk musí mít. Do svého prvního případu jsem věřil na všelijaké ty exaktní metody; víte, na pozorování, na zkušenost, na soustavné vyšetření a takové hlouposti. Ale když si teď probírám ten případ, tak vidím, že – Poslouchejte," vyhrkl s úlevou, "já myslím, že to byla jen šťastná náhoda."

— Поздравить! выпалил Мейзлик. — Господин Дастих! Да как же тут поздравлять, когда я не знаю, чему я обязан своим успехом? Своей сверхъестественной проницательности? Полицейской привычке или просто счастливой случайности? А может, интуиции или телепатии? Подумать только! Ведь это — мое первое настоящее дело! Человек должен чем-то руководствоваться! Предположим, завтра меня заставят расследовать какое-нибудь убийство Господин Дастих, что я буду делать? Начну бегать по улицам и пристально смотреть на все ботинки? Или побреду куда глаза глядят в надежде, что предчувствие или внутренний голос приведут меня прямо в объятия убийцы? Вот ведь какая история получается! Вся полиция теперь твердит: у этого Мейзлика нюх, из этого парня в очках будет толк, у него талант детектива. Отчаянное положение! — ворчал Мейзлик. — Какая-то метода должна у меня быть?! Понимаете, до этого случая я верил во всякие бесспорные методы, где важную роль играют внимание, опыт, систематическое следствие и прочая чепуха Но когда я задумываюсь над этой историей, то вижу... Послушайте! — воскликнул доктор Мейзлик с облегчением. — Я думаю, что все это — просто счастливая случайность.

"Vypadá to tak," řekl pan Dastých moudře.
"Ale byl v tom také kus dobrého pozorování a takové té logiky."

— Да, похоже, — сказал Дастих мудро. — Но известную роль здесь сыграли логика и пристальное внимание.

"A mechanická rutina," děl mladý úředník malomyslně.

— И обычная рутина, — горько добавил молодой полицейский чиновник.

"A intuice. A taky trochu takový dar předtuchy. A instinkt."

— И еще интуиция. А также в какой-то мере дар предвидения. И инстинкт.

"Ježíšikriste, tak to vidíte," bědoval dr. Mejzlík. "Pane Dastychu, jak mám ныčko něco dělat?"

— Господи боже мой! Так вы теперь видите, как все это сложно, — огорчился Мейзлик — Скажите, что же мне теперь делать?

"— Pan doktor Mejzlík k telefonu," hlásil pan vrchní.
"Volá policejní prezídium."

— Доктор Мейзлик, вас к телефону, — позван его метрдотель. — Звонят из полицейского управления.

"Tady to máme," zahučel dr. Mejzlík zdrceně; a když se vrátil od telefonu, byl bledý a nervózní.

— Вот вам, пожалуйста! — проворчал удрученный Мейзлик. Когда Мейзлик вернулся, он был бледен и взволнован.

"Platit, pane vrchní," křikl podrážděně. "Už to tak je.
Našli nějakého cizince zavražděného v hotelu.
Hrom aby –" a odešel.

— Кельнер, счет! — крикнул он раздраженно. — Так
оно и есть, сказал он Дастиху. — Нашли какого-то
иностранца, убитого в отеле, проклятие... И Мейзлик
ушел.

Zdálo se, že tento energický mladý muž má trému.

Казалось, этот энергичный молодой человек сам не
свой от волнения.